

СОВРЕМЕННОКЪ,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

А. С. ПУШКИНА,

ИЗДАНЫЙ ПО СМЕРТИ ЕГО,

ВЪ ПОЛЬЗУ ЕГО СЕМЕЙСТВА,

Кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краевскимъ, Кн. В. О. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ.

ТОМЪ О СЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ГУТТЕНВЕРГОВОЙ ТИПОГРАФИИ.

1837.

СОВРЕМЕННОСТЬ.

ЕГИПЕТСКІЯ НОЧИ.

ГЛАВА I.

« Quel est cet homme ? » На, c'est un bien grand talent: il fait de sa voix tout ce qu'il veut. « Il devrait bien, madame, s'en faire une culotte. »

Чарскій былъ одинъ изъ коренныхъ жителей Петербурга. Ему не было еще тридцати лѣтъ; онъ не былъ женатъ; служба не обременяла его. Покойный дядя его, бывшій вице-губернаторомъ въ хорошее время, оставилъ ему порядочное имѣніе. Жизнь его

была очень пріятна; но онъ имѣлъ несчастье писать и печатать стихи. Въ журналахъ звали его поэтомъ, а въ лакейскихъ сочинителемъ.

Не смотря на великія преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться: кромѣ права ставить винительный падежъ вмѣсто родительнаго, и еще койкакъ такъ называемыхъ поэтическихъ вольностей, мы никакихъ особенныхъ преимуществъ за Русскими стихотворцами не вѣдаемъ), какъ бы то ни было, не смотря на всевозможныя ихъ преимущества, эти люди подвержены большимъ невыгодамъ и непріятностямъ. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, которымъ онъ заклеименъ и которое никогда отъ него не отпадаетъ. Публика смотритъ на него какъ на свою собственность; по ея мнѣнію онъ рожденъ для ея пользы и удовольствія. Возвратится ли онъ изъ деревни, первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чегонибудь новенькаго? Задумается ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ и болезни милаго ему человѣка, тотчасъ пошлая улыбка сопровождаетъ пошломое восклицаніе: вѣрно чтонибудь сочиняетъ! Влюбится ли онъ: красавица его покупаетъ себѣ альбомъ въ англійскомъ магазинѣ и ждетъ ужь элегій. Пріѣдетъ ли онъ къ человѣку почти съ нимъ незнакому поговорить о важномъ дѣлѣ: тотъ уже кличетъ своего сына и заставляетъ читать стихи такого то; и мальчишка угощаетъ стихотворца его же изуродованными стихами. А это еще цвѣты ремесла! Како-

вы же должны быть ягоды? Чарскій признавался, что привѣтствія, запросы, альбомы и мальчишки такъ ему надоѣдали, что поминутно онъ принужденъ былъ удерживаться отъ какойнибудь грубости.

Чарскій употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сгладить съ себя несносное прозвище. Онъ избѣгалъ общества своей братьи литераторовъ и предпочиталъ имъ свѣтскихъ людей, даже самыхъ простыхъ; но это не помогало ему. Разговоръ его былъ самый пошлый и никогда не касался литературы. Въ своей одеждѣ онъ всегда наблюдалъ самую послѣднюю моду съ робостію и суевѣріемъ молодого Москвича, въ первый разъ отроду пріѣхавшаго въ Петербургъ. Въ кабинетъ его, убранномъ какъ дамскія спальня, ничто не напоминало писателя: книги не валялись по столамъ и подъ столами; диванъ не былъ обрызганъ чернилами; не было того безпорядка, который обличаетъ присутствіе музы и отсутствіе метлы и щетки. Чарскій былъ въ отчаяніи, если ктонибудь изъ свѣтскихъ его друзей заставалъ его съ перомъ въ рукахъ. Трудно повѣрить, до какихъ мелочей могъ доходить человѣкъ, одаренный впрочемъ талантомъ и душою. Онъ прикидывался то страстнымъ охотникомъ до лошадей, то отчаяннымъ игрокомъ, то самымъ тонкимъ гастрономомъ, хотя никакъ не могъ различить горской породы отъ арабской, никогда не помнилъ козырей и втайнѣ предпочиталъ печеный картофель всевозможнымъ изобрѣтеніямъ французской кухни. Онъ велъ жизнь самую разсыянную; торчалъ на всѣхъ

балахъ, объѣдался на всѣхъ дипломатическихъ объѣдахъ, и былъ на всякомъ званомъ вечерѣ также неизбѣжимъ, какъ Рязановское мороженое. Однакожь онъ былъ поэтъ, и страсть его была неодолима. Когда находила на него такая *дрль* (такъ называлъ онъ вдохновеніе), Чарскій запирался въ своемъ кабинетѣ и писалъ съ утра до поздней ночи. Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что только тогда и зналъ истинное счастье. Остальное время онъ гулялъ, чинясь и притворяясь, и слыша поминутно славный вопросъ: не написали ли вы чего нибудь новенькаго?

Однажды утромъ Чарскій чувствовалъ то благодатное расположеніе духа, когда мечтанія явственно рисуются передъ вами, и вы обрѣтаете живыя, неожиданныя слова для воплощенія ихъ видѣній, когда стихи легко ложатся подъ перо ваше, и звучныя рифмы бѣгутъ навстрѣчу стройной мысли. Чарскій погруженъ былъ душою въ сладостное забвеніе . . . и свѣтъ, и мелочи свѣта, и его собственныя причуды для него не существовали. Онъ писалъ стихи.

Вдругъ дверь его кабинета скрипнула, и незнакомая голова человѣка показалась. Чарскій вздрогнулъ и нахмурился. *Кто тамъ?* спросилъ онъ съ досадою, проклиная въ душѣ своихъ слугъ, никогда не сидѣвшихъ въ передней.

Незнакомецъ вошелъ. Онъ былъ высокаго росту, худощавъ и казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго его лица были выразительны: блѣдный, высокій

лобъ, осыденный черными клоками волосъ, черные сверкающіе глаза, орлиный носъ и густая борода, окружающая впалыя желтосмуглыя щеки, обличали въ немъ иностранца. На немъ былъ черный фракъ, побѣлѣвшій уже по швамъ; панталоны лѣтнія (хотя на дворъ стояла уже глубокая осень); подъ истертымъ чернымъ галстукомъ на желтоватой манишкѣ блестяль фальшивый алмазь; шершавая шляпа, казалось, видала и ведро и ненастье. Встрѣтясь съ этимъ челоуѣкомъ въ лѣсу, вы приняли бы его за разбойника; въ обществѣ за политическаго заговорщика; въ переднѣй за шарлатана, торгующаго элексирами и мышьякомъ.

«Что вамъ надобно?» спросилъ его Чарскій на французскомъ языкѣ.

—Signor, отвѣчалъ поитальянски иностранецъ съ низкими поклонами, просите меня великодушно, если....

Чарскій не предложилъ ему стула и всталъ самъ; разговоръ продолжался на итальянскомъ языкѣ.

—Я неаполитанской художникъ, говорилъ незнакомый; обстоятельства принудили меня оставить отечество; я пріѣхалъ въ Россію въ надеждѣ на свой талантъ. —

Чарскій подумалъ, что Неаполитанецъ собирается дать нѣсколько концертовъ на віолончель и развозить по домамъ свои билеты. Онъ уже хотѣлъ вручить ему свои двадцать пять рублей и скорѣе отъ него избавиться, но незнакомецъ прибавилъ: надѣюсь,

signor, что вы сдѣлаете дружеское вспоможеніе своему собрату и введете меня въ дома, въ которые сами имѣете доступъ.

Невозможно было нанести тщеславію Чарскаго оскорбленія болѣе чувствительнаго. Онъ спѣсиво взглянулъ на того, кто назывался его собратомъ. «Позвольте спросить, кто вы такой, и за кого вы меня принимаете?» спросилъ онъ, съ трудомъ удерживая свое негодованіе.

Неаполитанецъ замѣтилъ его досаду.

—Signor, отвѣчалъ онъ запинаясь, я осмѣлился думать, что . . . ваше превосходительство не сочтете дерзостію . . .

«Что вамъ угодно?» повторилъ сухо Чарскій.

—Я много слыхалъ о вашемъ удивительномъ талантѣ; я урѣренъ, что здѣшніе господа ставятъ за честь оказывать всевозможное покровительство такому превосходному поэту, отвѣчалъ Итальянецъ, и потому я осмѣлился къ вамъ явиться . . .

«Вы ошибаетесь, signor, прервалъ его Чарскій. Званіе поэтовъ у насъ не существуетъ. Наши поэты не пользуются покровительствомъ господъ; наши поэты сами господа, и если наши Меценаты (чортъ ихъ побери!) этаго не знаютъ, тѣмъ хуже для нихъ. У насъ нѣтъ оборванныхъ аббатовъ, которыхъ музыкантъ бралъ бы съ улицы для сочиненія libretto.

У насъ поэты не ходять пѣшкомъ изъ дому въ домъ, выпрашивая себѣ вспоможенія. Впрочемъ вѣроятно вамъ сказали вшутку, будто я великій стихотворецъ. Правда, я когда-то написалъ нѣсколько плохихъ эпиграммъ; но, слава Богу, съ господами стихотворцами ничего общаго не имѣю и имѣть не хочу.»

Бѣдный Итальянецъ смутился. Онъ поглядѣлъ вокругъ себя. Картины, мраморныя статуи, бронзы, дорогія игрушки, разставленныя на готическихъ этажеркахъ, поразили его. Онъ понялъ, что между надменнымъ dandy, стоящимъ передъ нимъ въ парчевой скуфейкѣ, въ золотистомъ китайскомъ халатѣ, опоясанномъ турецкой шалью, и имъ, бѣднымъ кочующимъ артистомъ, въ истертомъ галстухѣ и поношенномъ фракѣ, ничего не было общаго. Онъ проговорилъ нѣсколько невнятныхъ извиненій, поклонился и хотѣлъ выгнать. Жалкій видъ его тронулъ Чарскаго, который, вопреки мелочамъ своего характера, имѣлъ сердце доброе и благородное. Онъ устыдился раздражительности своего самолюбія.

«Куда жъ вы, сказала оная Итальянцу. Постойте... Я долженъ былъ отклонить отъ себя незаслуженное титуло и признаться вамъ, что я не поэтъ. Теперь поговоримъ о вашихъ дѣлахъ. Я готовъ вамъ услужить, въ чемъ только будетъ возможно. Вы музыкантъ?»

—Нѣтъ, Есселепза! отвѣчалъ Итальянецъ: я бѣдный импровизаторъ. —

«Импровизаторъ! вскрикнулъ Чарскій, почувствовавъ всю жестокость своего обхожденія. Зачѣмъ же вы прежде не сказали, что вы импровизаторъ?» и Чарскій сжалъ ему руку съ чувствомъ искренняго раскаянія.

Дружескій видъ его ободрилъ Итальянца. Онъ просто-душно разговаривалъ о своихъ предположеніяхъ. Наружность его не была обманчива. Ему нужны были деньги: онъ надѣялся въ Россіи коекакъ поправить свои домашнія обстоятельства. Чарскій выслушалъ его со вниманіемъ.

«Я надѣюсь, сказалъ онъ бѣдному художнику, что вы будете имѣть успѣхъ: здѣшнее общество никогда еще не слышало импровизатора. Любопытство будетъ возбуждено; правда, итальянскій языкъ у насъ не въ употребленіи; васъ не поймутъ; но это не бѣда; главное, чтобъ вы были въ модѣ.»

—Но если у васъ никто не понимаетъ итальянскаго языка, сказалъ призадумавшійся импровизаторъ, кто жъ поѣдетъ меня слушать? —

«Поѣдутъ, не опасайтесь, иные изъ любопытства, другіе, чтобъ провести вечеръ какънибудь, третьи, чтобъ показать, что понимаютъ итальянскій языкъ; повторяю, надобно только, чтобъ вы были въ модѣ; а вы ужъ будете въ модѣ — вотъ вамъ моя рука.»

Чарскій ласково разстался съ импровизаторомъ, взявъ себѣ его адресъ, и въ тотъ-же вечеръ поѣхалъ за него хлопотать.

ГЛАВА II.

Я Царь, я рабъ, я червь, я Богъ.

Державинъ.

На другой день Чарскій въ темномъ и нечистомъ коридорѣ трактира отыскиваетъ 35-й нумеръ. Онъ остановился у двери и постучался. Вчерашній Итальянецъ отворилъ ее. «Побѣда! сказалъ ему Чарскій, ваше дѣло въ шляпѣ. Княгиня * * даетъ вамъ свою залу; вчера на раутѣ я успѣлъ завербовать половину Петербурга; печатайте билеты и объявленіе. Ручаюсь вамъ, если не за триумфъ, по крайней мѣрѣ за барышъ....»

—А это главное, вскричалъ Итальянецъ, изъявляя свою радость живыми движеніями, свойственными южной его породѣ. Я зналъ, что вы мнѣ поможете. *Согро ді Вассо!* Вы поэтъ, также какъ и я; а, что ни говори, поэты славные ребята! Какъ изъявлю вамъ мою благодарность? Пойдите... хотите ли выслушать импровизацію? —

«Импровизацію! . . . развѣ вы можете обойтись и безъ публики, и безъ музыки, и безъ грома рукоплесканій?»

—Пустое, пустое! гдѣ найти мнѣ лучшую публику? Вы поэтъ, вы поймете меня лучше ихъ — и ваше тихое одобреніе дороже мнѣ цѣлой бури рукоплесканій... Садитесь гдѣнибудъ и задайте мнѣ тему.—

Чарскій сѣлъ на чемоданѣ (изъ двухъ стульевъ, находившихся въ тѣсной конуркѣ, одинъ былъ сломанъ, другой заваленъ бумагами и бѣльемъ). Импрровизаторъ взялъ со стѣны гитару и сталъ передъ Чарскимъ, перебирая струны костливыми пальцами и ожидая его заказа.

«Вотъ вамъ тема, сказалъ ему Чарскій: *«Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пьесъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ.»*

Глаза Итальянца засверкали; онъ взялъ нѣсколько акордовъ; гордо поднялъ голову и пылкіе стихи—выраженія мгновеннаго чувства—стройно излетали изъ устъ его... Вотъ они, вольно переданные однимъ изъ нашихъ пріятелей со словъ, сохранившихся въ памяти Чарскаго (*)......

Итальянецъ умолкъ... Чарскій молчалъ, изумленный и растроганный.

— Ну что? спросилъ импрровизаторъ.

Чарскій схватилъ его руку и сжалъ ее крѣпко.

— Что? спросилъ импрровизаторъ, каково?—

(*) Этаго перевода не нашлось въ рукописи.

«Удивительно! отвѣчалъ поэтъ. «Какъ! чужая мысль чуть коснулась вашего слуха, и уже стала вашею собственностію, какъ будто вы съ нею носились, лѣляли, развивали ее безпрестанно. И такъ для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого безпокойства, которое предшествуетъ вдохновенію? Удивительно, удивительно!...»

Импровизаторъ отвѣчалъ:— Всякой талантъ неизъяснимъ. Какимъ образомъ ваятель въ кускѣ каррарскаго мрамора видитъ сокрытаго Юпитера, и выводитъ его на свѣтъ рѣзцемъ и молотомъ, раздробляя его оболочку? Почему мысль изъ доловы поэта выходитъ уже вооруженная четырьмя рифмами, размѣренная стройными однообразными стопами? Неизъяснимо. Никто, кромѣ самаго импровизатора, не можетъ понять эту быстроту впечатлѣній, эту тѣсную связь между собственнымъ вдохновеніемъ и чуждой внешней волей; но и самъ онъ тщетно хотѣлъ бы высказать тайну свою словами. Однако... надобно подумать о моемъ первомъ вечерѣ. Какъ вы полагаете? Какую цѣну можно будетъ назначить за билетъ, чтобы публикѣ не слишкомъ было тяжело и чтобы я между тѣмъ не остался въ накладѣ? Говорятъ, *la Signora Catalani* брала по 25 рублей? Цѣна хорошаа....

Непріятно было Чарскому съ высоты поэзіи вдругъ упасть подъ лавку конторщика; но онъ очень хорошо понималъ житейскую необходимость, и пустился съ Итальянцемъ въ меркантильные расчеты.

Итальянецъ при семь случаѣ обнаружилъ такую простодушную любовь къ прибыли, что онъ опротивѣлъ Чарскому, который поспѣшилъ его оставить, чтобы не совсѣмъ утратить чувство восхищенія, произведенное въ немъ блестящею импровизаціею. Озабоченный Итальянецъ не замѣтилъ этой перемѣны, и проводилъ Чарскаго по коридору и по лѣстницѣ съ глубокими поклонами и увѣреніями въ вѣчной благодарности.

Г Л А В А І І І .

Цѣпа за билетъ 10 рублей; начало въ 7 часовъ.

Афришка.

Зала Княгини * * отдана была въ распоряженіе импровизатора; подмостки были сооружены; стулья разставлены въ двенадцать рядовъ; въ назначенный день, съ семи часовъ вечера, зала была освѣщена; у дверей передъ столикомъ, для продажи и приѣма билетовъ, сидѣла старая долгоносая женщина въ сѣрой шляпѣ съ надломленными перьями и съ перстнями на всѣхъ пальцахъ. У подъѣзда стояли жандармы. Публика начала собираться. Чарскій пріѣхалъ изъ первыхъ. Онъ принималъ большое участіе въ успѣхахъ представленія, и хотѣлъ видѣть импровизатора, чтобъ узнать, всѣмъ ли онъ доволенъ. Онъ нашелъ Итальянца въ боковой комнатѣ, съ нетерпѣ-

нѣмъ посматривающаго на часы. Итальянецъ одѣтъ былъ театрално. Онъ былъ въ черномъ съ ногъ до головы. Кружевной воротникъ его рубашки былъ откинутъ; голая шея своею странной бѣлизною ярко отдѣлялась отъ густой и черной бороды; волосы опущенными клоками осыпали ему лобъ и брови. Все это очень не понравилось Чарскому, которому непріятно было видѣть поэта въ одеждѣ заѣзжаго фигляра. Онъ, послѣ короткаго разговора, возвратился въ залу, которая болѣе и болѣе наполнялась. Вскоръ всѣ ряды креселъ были заняты блестящими дамами; мужчины стѣсненной рамою стали у подмостковъ, вдоль стѣнъ; за послѣдними стульями музыканты съ своими пульпетрами занимали обѣ стороны подмостковъ. Посреди стояла на столѣ фарфоровая ваза; публика была многочисленна. Всѣ съ нетерпѣнѣемъ ожидали начала; наконецъ въ половинѣ осьмага музыканты засуетились, приготовили смычки и заиграли увертюру изъ Танкреда. Все ушло и примолкло. Послѣдніе звуки увертюры прогремѣли Импровизаторъ, встрѣченный оглушительнымъ плескомъ, поднявшимся со всѣхъ сторонъ, съ низкими поклонами приблизился къ самому краю подмостковъ.

Чарскій съ безпокойствомъ ожидалъ, какое впечатлѣніе произведетъ первая минута; но онъ замѣтилъ, что нарядъ, который показался ему такъ неприличенъ, не произвелъ того-же дѣйствія на публику: самъ Чарскій не нашелъ ничего смѣшнаго въ Итальянцѣ, когда увидѣлъ его на подмосткахъ, съ

блѣднымъ лицомъ, ярко освѣщеннымъ множествомъ лампъ и свѣчъ. Плескъ утихъ; говоръ умолкъ Итальянецъ, изъясняясь на плохомъ французскомъ языкѣ, просилъ господъ посѣтителей назначить нѣсколько темъ, написавъ ихъ на особыхъ бумажкахъ. При этомъ неожиданномъ приглашеніи, всѣ молча поглядѣли другъ на друга, и никто ничего не отвѣчалъ. Итальянецъ, подождавъ немного, повторилъ свою просьбу робкимъ и смиреннымъ голосомъ. Чарскій стоялъ подъ самыми подмостками; имъ овладѣло озабоченіе; онъ предчувствовалъ, что дѣло безъ него не обойдется и что онъ принужденъ будетъ написать свою тему. Въ самомъ дѣлѣ нѣсколько дамскихъ головокъ обратилось къ нему и стали вызывать его сперва въ полголоса, потомъ громче и громче. Услыша имя его, импровизаторъ отыскалъ его глазами у своихъ ногъ, и подаль ему карандашъ и клочекъ бумаги съ дружескою улыбкою. Играть роль въ этой комедіи казалось Чарскому очень непріятно, но дѣлать было нечего; онъ взялъ карандашъ и бумагу изъ рукъ Итальянца, написалъ нѣсколько словъ; Итальянецъ, взявъ со стола вазу, сошелъ съ подмостковъ, поднесъ ее Чарскому, который бросилъ въ нее свою тему. Его примѣръ подѣйствовалъ; два журналиста, въ качествѣ литераторовъ, почли обязанностію написать каждый по темѣ; секретарь Неаполитанскаго посольства, и молодой челоувѣкъ, недавно возвратившійся изъ путешествія, брѣдя о Флоренціи, положили въ урну свои свернутыя бумажки. Наконецъ одна некрасивая дѣвица, по приказанію своей матери, со сле-

зами на глазахъ написала нѣсколько строкъ по-итальянски, и покраснѣвъ по уши, отдала ихъ импровизатору, между тѣмъ, какъ дамы смотрѣли на нее молча, съ едва замѣтною усмѣшкой. Возвратясь на свои подмостки, импровизаторъ поставилъ урну на столъ, и сталъ вынимать бумажки одну за другою, читая каждую вслухъ.

Семейство Ченчи (*La famiglia del Cenci*). *L'ultimo giorno di Pompeia*. *Cleopatra e i suoi amanti*. *La primavera veduta d'una prigione*. *Il trionfo di Tasso*.

«Что прикажете почтенная публика?» спросилъ смиренный Итальянецъ, назначить ли мнѣ сама одинъ изъ предложенныхъ предметовъ, или предоставить рѣшить это жребію?...»

Жребій! сказалъ одинъ голосъ изъ толпы; жребій, жребій! повторила публика.

Импровизаторъ сошелъ опять съ подмостковъ, держа въ рукахъ урну, и спросилъ, кому угодно будетъ вынуть тему. Импровизаторъ обвелъ умоляющимъ взоромъ первые ряды стульевъ. Ни одна изъ блестящихъ дамъ, тутъ сидѣвшихъ, не тронулась. Импровизаторъ, не привыкшій къ сѣверному равнодушію, казалось, страдалъ... Вдругъ замѣтилъ онъ въ сторонѣ поднявшуюся ручку въ бѣлой маленькой перчаткѣ: онъ съ живостію оборотился и подошелъ къ молодой величавой красавицѣ, сидѣвшей на краю втораго ряда. Она встала безо всякаго

смущенія и со всевозможною простотою опустила въ урну аристократическую ручку, и вынула свертокъ. Извольте развернуть и прочитайте, сказалъ ей импровизаторъ. Красавица развернула бумажку и прочла вслухъ: Cleopatra e i suoi amanti. Эти слова произнесены были тихимъ голосомъ, но въ залѣ царствовала такая тишина, что всѣ ихъ слышали. Импровизаторъ низко поклонился прекрасной дамѣ съ видомъ глубокой благодарности, и возвратился на свои подмостки. «Господа, сказалъ онъ обратясь къ публикѣ, жребій назначилъ мнѣ предметомъ импровизаціи Клеопатру и ея любовниковъ. Покорно прошу особу, избравшую эту тему, пояснить мнѣ свою мысль: о какихъ любовникахъ здѣсь идетъ рѣчь, *perche la grande regina havéva molto....*»

При сихъ словахъ многіе мужчины громко зашмыгались. Импровизаторъ немного смутился. «Я желалъ бы знать, продолжалъ онъ, на какую историческую черту намекала особа, избравшая эту тему.... Я буду весьма благодаренъ, если угодно ей будетъ изъясниться.»

Никто не торопился отвѣчать. Нѣсколько дамъ оборотили взоры на некрасивую дѣвушку, написавшую тему по приказанію своей матери. Бѣдная дѣвушка замѣтила это неблагоклонное вниманіе, и такъ смутилась, что слезы повисли на ея рѣсницахъ.... Чарскій не могъ этого вынести, и обратясь къ импровизатору, сказалъ ему на итальянскомъ языкѣ: тема предложена мною. Я имѣлъ въ

виду показаніе Аврелія Викторѣ, который пишетъ, будто бы Клеопатра назначила смерть цѣною своей любви, и что нашлись обожатели, которые такое условіе не испугало и не отвратило.... Миѣ кажется, однако, что предметъ немного затруднителенъ.... Не выберете ли вы другаго?...

Но уже импровизаторъ чувствовалъ приближеніе бога.... онъ далъ знакъ музыкантамъ играть. Лице его страшно поблѣднѣло; онъ затрепеталъ какъ въ лихорадкѣ; глаза его засверкали чуднымъ огнемъ; онъ приподнялъ рукою черные свои волосы, отеръ платкомъ высокое чело, покрытое каплями пота... и вдругъ шагнулъ впередъ, сложилъ крестомъ руки на грудь.... музыканты умолкли.... импровизація началась.

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ;
Сердца неслись къ ея престолу;
Но вдругъ надъ чашей золотой
Она задумалась, и долу
Поникла дивною главой. . .

И пышный пиръ какъ будто дремлетъ;
Безмолвны гости; хоръ молчитъ.
Но вновь она чело подѣмлетъ

И съ видомъ ясныѣ говорить:
 Въ моей любви для васъ блаженство;
 Блаженство можно вамъ купить...
 Внемлите мнѣ: могу равенство
 Межъ нами я возстановить.
 Кто къ торгу страстному приступитъ?
 Свою любовь я продаю;
 Скажите: кто межъ вами купить
 Цѣною жизни ночь мою?

Рекла — и ужась всѣхъ объемлетъ,
 И страстью дрогнули сердца — —
 Она смущенный ропоть внемлетъ
 Съ холодной дерзостью лица,
 И взоръ презрительный обводитъ
 Кругомъ поклонниковъ своихъ....
 Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
 Вослѣдъ за нимъ и два другихъ:
 Смѣла ихъ поступь; ясны очи;
 Она навстрѣчу имъ встаетъ.
 Свершилось: куплены три ночи,
 И ложе смерти ихъ зоветъ.

Благословенные жрецами,
 Теперь изъ урны роковой
 Предъ неподвижными гостями
 Выходятъ жребіи чредой:

И первый — Флавій, воинъ смѣлый,
Въ дружинахъ Римскихъ посѣдѣлый;
Снести не могъ онъ отъ жены
Высокомѣрнаго презрѣнья;
Онъ принялъ вызовъ наслажденья,
Какъ принималъ во дни войны
Онъ вызовъ яраго сраженья.
За нимъ Критонъ, молодой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура,
Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
Харитъ, Киприды и Амура.
Любезный сердцу и очамъ,
Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
Послѣдній имени вѣкамъ
Не передалъ. Его ланиты
Пухъ первый нежно отънялъ;
Восторгъ въ очахъ его сіялъ;
Страстей неопытная сила
Кипѣла въ сердцѣ молодомъ
И съ умиленіемъ на немъ.
Царица взоръ остановила.

Клянусь. . . о, мать наслажденій,
Тебѣ неслыханно служу:
На ложе страстныхъ искушеній
Простой наемницей схожу.

Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари
И боги грознаго аида,
Клянусь, до утренней зари
Моихъ властителей желанья
Я сладострастно утолю,
И всѣми тайнами лобзанья
И дивной нѣгой утомлю.
Но только утренней порфирой
Аврора вѣчная блеснетъ,
Клянусь, подъ смертною сѣкирой
Глава счастливецъ опадеть.

И вотъ уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяць златорогій;
Александрійскіе чертоги
Покрыла сладостная тѣнь;
Фонтаны бьютъ, горятъ лампы,
Курился легкій фиміамъ:
И сладострастныя прохлады
Земнымъ готовятся богамъ:
Въ роскошномъ золотомъ покоѣ,
Средь обольстительныхъ чудесъ,
Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсъ
Блитсяетъ ложе золотое.

А. Пушкинъ,

